

Светлана Глинская

Прибой незримый сердца

Светлана Глинская

Прибой незримый сердца

«Десятая Муза»

2019

УДК 82-1
ББК 84

Глинская С.

Прибой незримый сердца / С. Глинская — «Десятая Муза», 2019

Один день, прожитый героиней романа, вмещает в себя целый мир. Это роман о любви длиною в жизнь – восхождение к вершинам на едином и вечном дыхании любви. Жизнь подобна палитре. Множество оттенков красок, переходящих друг в друга, несут в себе смешение цветов; то же происходит и с человеческими чувствами. Естественность и глубина переживаний героини, тонкий лиризм души накладывают неповторимый отпечаток на её судьбу, переплетающуюся с судьбами других людей, порой неожиданно, но вполне закономерно, ибо – ничто не случайно. Трагедии и радости человеческой жизни – всё идёт своим чередом. Наша история – это мы сами, наши чувства – отражение нашей души. Наше желание изменить что-то или измениться самим вполне закономерно, как и попытки принять жизнь такой, какова она есть.

УДК 82-1

ББК 84

© Глинская С., 2019
© Десятая Муза, 2019

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

24

Светлана Глинская

Прибой незримый сердца

© Светлана Корнеева, 2019

* * *

*Под музыку сердечных волн,
Под зов стихий и лихолетья,
Вдыхая силу многоцветья,
Я недосказанностью полн...*

/В. Бойку, «Под музыку сердечных волн...»/

*Нет утра без ночи,
Нет счастья без горя,
Нет жизни без смерти,
Нет встреч без разлук.
Но ранней весной
Ломаются льдины;
Я верю в бескрайний
Весенний разлив.*

/Л.И. Ошанин, «Это значит любовь»/

*Лето умирает. Осень умирает. Зима – сама смерть. А весна
постоянна. Она живёт бесконечно в недрах вечно изменяющейся
матери, только меняет свои формы. Самая волнующая форма –
это миг, предшествующий появлению первой зелени на черноте якобы
мёртвых древесных развилок.*

/В.П. Катаев, «Алмазный мой венец»/

Помнишь ли ты тот вечер, когда впервые назвал меня Солнышком? – вечер был непроглядно синим, вопреки лучистому, мягкому и тёплому этому слову, сошедшему с твоих уст и логически созвучному яркому летнему дню, вечер, навсегда ушедший и ставший нашей историей. «Солнышко» прозвучало пианиссимо, но озарило меня изнутри, и я словно осветила собою весь мир, которым была тогда твоя маленькая, уютная комната, словно от меня во все стороны шли лучики, и твоё лицо озарилось в ответ. Я увидела его внутренний свет – свет любви.

Мы были молоды, мы были счастливы и полны надежд, а впереди нас ждала целая жизнь.

* * *

Раннее утро. Отчего-то не спится. Так спокойно и тихо... За окном предрассветное бледное небо с низко нависшими белесоватыми облаками. Открываю окно, привычно улыбаюсь наступающему дню. Я научилась этому не сразу, но этот навык помогает ощутить радость жизни: этот опыт многократно ею проверен.

Накинув шаль, выхожу на балкон. Воздух свеж и прозрачен, дышится легко. Сегодня мне легко, не знаю, отчего, и я снова улыбаюсь миру.

Сегодня особенный день, я в этом уверена. Почему это так, я не знаю и не хочу об этом думать. Я не жду каких-то событий, не стараюсь что-то предугадать или предусмотреть: я принимаю жизнь такой, какова она есть, такой, какой она приходит ко мне. Такой, какой она преподносит мне себя. Мне кажется, я столько пережила, что этого хватило бы на несколько жизней. Хотя, конечно, смотря с чем (или кем) сравнить... Не могу сказать (попросту не припомню), как давно я поняла непростую-простую истину: на свете нет ничего, что подлежало бы единственному толкованию полными противоречий нами. Это только кажется, что у всякого понятия есть строгое определение, данное ему человеком, полагающим себя осведомлённым. Ничего подобного! Вариаций великое множество – вот это и есть истина.

Иногда я размышляю о своем желании докопаться до сути вещей, которую не знаю, но с завидной регулярностью пытаюсь понять (правда, со временем это происходит со мной всё реже); вот бы предпринять ещё одно, небольшое усилие, – завеса спадёт, и я обрету знание... Но снова и снова неуловимо оказываюсь мыслями у самых истоков... Впрочем, нерасшифрованность большинства прожитых дней остаётся по-прежнему в неизменном виде, с годами приходит лишь осознание незначительности любого опыта как переживание на метафизическом уровне. В этом контексте и печаль, и одновременно испытываемое облегчение удивительным образом удерживают на плаву. И истина где-то рядом, вот-вот найдётся: кажется, стоит только захотеть...

Когда я думаю о тебе, отчего-то становится хорошо. Наверное, поэтому я нередко возвращаюсь к тебе мыслями. Нет, не к тебе – я возвращаюсь к тому человеку, который должен был быть тобой. К тому, которого я придумала и который всегда жил и живёт во мне. Быть может, моя придумка – это часть тебя, а может, и наоборот...

Так было всегда. Не стало исключением и это утро. Как странно! – ведь говорят, утром всё забывается, мир видится иначе. Но почему-то думки о тебе всегда приходят вовремя.

* * *

День нашего знакомства был ознаменован долгожданным событием: меня зачислили на первый курс выбранного мной факультета историко-архивного ВУЗа. Эта потрясающая новость стала вознаграждением за несколько лет плотной напряжённой подготовки, которые не прошли даром. Молодость вкупе со счастьем наполняли меня, словно даровав мне крылья, я пребывала в эйфории и порхала бабочкой; вообще день был удивительно летучим.

Накануне прошёл сильный дождь. Наступило утро, солнечное, омытое прохладной дождевой завесой. Я вышла из дома и сразу окунулась в лето, почувствовала его и мысленно улыбнулась себе. Напряжение, державшее меня в тисках долгое время, приобрело иную форму: мне отчего-то стало легко, и с этой мысленной улыбкой, адресованной молодости, яркости, надеждам и ожиданию прекрасного, я летящей походкой отправилась в институт.

Тёплый летний воздух тягуче наполнял лёгкие, всё вокруг было пронизано солнцем. Привычный окружающий меня мир виделся словно впервые: меня вдруг захлестнуло радостное предвкушение чего-то нового, и это ощущение подстёгивало меня, придавая скорость моему движению. Было ещё сыро и влажно, и мои волосы завились колечками у висков и на шее, что выгодно подчёркивало общий облик с густой чёлкой и витиеватым пучком на затылке, который я любила украшать всевозможными мелочами (не люблю слово «аксессуары»), придающими причёске неповторимый законченный вид. У меня был тогда период длинных волос, который с неопределённой повторяемостью чередовался с не слишком короткой стрижкой, а потом я вновь возвращалась к различным конфигурациям пучков на затылке из вновь отросших

волос и витиеватым французским косам, плетение которых освоила с удовольствием и носила «плетёнки» почти каждый день.

Мама обладала хорошим вкусом и прекрасно шила. Подавляющее большинство моих платьев, блузок и юбок были сшиты её волшебными руками; на некоторые изделия она пришивала иностранные лейблы, но они от этого не становились круче, как принято говорить нынче. Мама шила с любовью – именно это придавало уникальность вещам, в каждую из которых она зашивала кусочек этой любви, и мы с сестрой облачались в прекрасные наряды, долгое время сохраняющие замечательный вид.

В тот день (память от щедрот своих даровала мне, вкуче с другими, и это отчётливое воспоминание) на мне было жёлтое в мелкий чёрный горох трикотажное платье с расклешённой юбкой, зауженной талией и горловиной-каре, сшитое мамой год назад, которое я сразу полюбила и в котором чувствовала себя невероятно комфортно. Я заметила один нюанс: когда я надевала это платье, со мной или где-то рядом непременно происходило что-то хорошее, поэтому мой выбор в то утро нёс в себе умышленное стремление упредить важные события, подстёгивая их в сторону положительного результата. (Почему я решила, что событий будет несколько, я до сих пор не понимаю; наверное, интуиция сыграла свою немаловажную роль.)

На первом этаже главного корпуса ВУЗа, куда я специально приехала пораньше, уже толпились абитуриенты. У меня возникло ощущение, что ребята друг друга давно знают, но, взглядевшись пристальней, я поняла, что это не так, и определила большей частью два типа лиц: довольные и потерянные, и не надо было долго гадать относительно степени принадлежности тех и других к стенам этого учебного заведения. Удостоверившись, что я теперь студентка и все волнения, связанные с поступлением, остались позади, отпустив мысленно «на волю» первые восторги, я (в новом уже качестве – о, счастье!) решила пройтись по центру города и зайти в большой книжный магазин на Арбате.

Будучи заядлым читателем, я любила бывать в книжных магазинах. Мне нравилось бродить между полками, брать в руки книги, вдыхая запах бумаги и типографской краски, рассматривать обложки, перелистывать страницы, мельком просматривая написанное, пробегая глазами отрывки сюжета. Иногда я выполняла некий обряд-придумку нашей семьи, истоки которого затерялись в анналах памяти, к которому мы с подругами или сестрой нередко прибегали в повседневной жизни. Мысленно я задавала себе любой вопрос или загадывала желание, брала в руки книгу с ближайшей полки – лучше всего для этой цели подходила художественная литература, но философские трактаты нередко тоже бывали к месту, – раскрывала её на первой попавшейся странице и читала строку, в которую упирался взгляд. Это и было ответом на заданный мною вопрос или желание, причем трактовать его можно было в любом направлении; подчас ответы не совпадали по смыслу, были непонятными или весьма забавными и даже вызывали смех.

«Что день грядущий мне готовит?» – с некоторой долей патетики подумала я, но, посчитав эту мысль насущной, не веря в случайности, протянула руку к ближайшей полке, достала книгу, корешок которой попался мне на глаза, раскрыла и прочитала: «Я, Илья Ильич, жениться должен, а слова все забыл...». Цитата принадлежала рассказу Тэффи «Далёкое». Любопытно... Иронически хмыкнув, я поставила книгу на место и отправилась дальше.

Денег у меня с собой было мало, но всё же удалось наскрести на тоненький томик рассказов Сомерсета Моэма, одного из моих любимых писателей, чему я была несказанно рада. Плотно утрамбовав ценное приобретение в небольшую дамскую сумочку, закрывшуюся с большим трудом и ставшую пузатой после такой экзекуции, я отправилась дальше, наслаждаясь расцветающим летним днём, обещавшим быть жарким.

Я любила свой город именно таким – солнечным и ясным, несмотря на низкое небо, обилие дождей, туманную хмарь и пронизывающую сырость, иными словами, непогоду, царящую в столице большую часть совокупного годового времени, особенно в холодное время года. Мне

была мила любая погода, потому что здесь, в этом – таком родном! – городе я чувствовала себя дома. Я любила гулять по старым улочкам с особняками ушедшей эпохи, сохранившимися до наших дней. Пронизанные воспоминаниями того неповторимого времени, они словно наблюдают за стремящимися по делам людьми; эти людские потоки проливают свет жизни на барельефы и вензеля старинных построек. Мне нравилось рассматривать их, придумывая истории, словно бы случившиеся с их обитателями в прошлом, иногда представлять себя прекрасной молодой девушкой-дворянкой, живущей в одном из таких домов.

Окунувшись в собственный мир ярких фантазий, я прошла большое расстояние. Становилось жарко, к тому же пора было возвращаться домой, дабы обрадовать домашних прекрасной, столь долго и трепетно ожидаемой ими новостью. В такой замечательный день не хотелось спускаться в метро, поэтому часть обратного пути я решила проехать наземным транспортом и, пересекая площадь, устремилась к остановке, тем паче автобус с нужным мне номером маршрута был уже на подходе. Торопясь, я подвернула ногу – под каблук попал невесть откуда взявшийся небольшой камешек – и испугалась, что свернула лодыжку, ведь это совершенно не входило в мои планы; но, слава Богу, всё обошлось: моя походка не утратила летучесть и скорость, и я сразу же забыла об этом неприятном инциденте.

Тем временем автобус резво приближался к остановке, на которой толпились люди, а я замешкалась на его пути, будучи уверенной, что успею добраться до тротуара, прежде чем автобус покроет расстояние между нами, и не ожидала, что он сделает это так быстро. Всё произошло молниеносно, поэтому я не успела испугаться. Я ускорила шаг и, ступив на тротуар, ощутила несильный, но ощутимый удар в спину, толкнувший меня к стоящему поблизости мужчине, который мягко поймал меня в объятия.

– Осторожней! – услышала я его негромкий голос.

Открылись двери, люди устремились внутрь салона. Мы тоже вошли в автобус и сразу же услышали недовольный голос водителя, который принялся по селектору пояснять, что он думает о таких вот легкомысленных людях, как я, которые «сами лезут под колёса, а потом, дескать, жалуются».

– Это он пожелал Вам хорошего дня, – проговорил молодой мужчина, пришедший мне на помощь на остановке и снова оказавшийся рядом. Народу набилось довольно много, и мы оказались почти прижатыми друг к другу.

Я подняла глаза.

Высокий, темноволосый, стройный, с широким разворотом плеч, с рюкзаком за плечами, в джинсах и светлой футболке, ты смотрел на меня спокойным открытым взглядом, в котором читались плохо скрываемое удивление и неподдельный, радостный интерес. Ты летуче улыбнулся, продолжая изучать моё лицо. В этот момент водитель окончил обращённую в мой адрес тираду, которая вместе со случившимся дошла, наконец, до моего сознания. Видимо, выражение моего вмиг погрузневшего лица говорило само за себя, поэтому ты поспешил утешить меня:

– Не расстраивайтесь, не стоит того. Ведь всё благополучно?

– Да, благополучно... – эхом повторила я. Сразу стало легче.

– В следующий раз будьте осторожней.

Я кивнула в ответ.

– Алексей, – представился ты.

– Аля...

Вообще-то я Александра. Чаще всего меня называют Алей, иногда Сашей, но никогда – Шуркой: ужасно не люблю этот вариант моего многослойного имени. Будучи в хорошем расположении духа, мама называет меня Сашенькой; собственно говоря, сразу после моего рождения она и выбрала это имя. Папа сразу согласился и не стал спорить с ней, несмотря на

собственное желание назвать дочку Полиной; впрочем, это имя с успехом досталось сестре, родившейся через два с половиной года после меня.

– Наши имена похожи, – с улыбкой заметил ты. – Мой друг, бывший однокурсник, называет меня Алексом. Он живёт в Риге, – говоря это, ты по-прежнему не отводил взгляда от моего лица, что невероятно смущало меня.

– Я никогда не была в Риге, – растерянно проговорила я, опустив глаза.

– Хотите, навестим его вместе? И город посмотрим.

– Вы серьёзно? – удивилась я, снова вскинув на тебя глаза.

– Вполне. Время можно найти, – ты пожал плечами. – Почему бы не начать с Риги? – произнес ты уверенным, не требующим возражений тоном. Мы продолжали смотреть друг на друга, и вдруг оба засмеялись.

Мы только познакомились, а ты уже как будто видел грядущее и знал, что будут поездки, хоть и нечасто, и мы будем вместе, хоть и... недолго.

Ты был живым заключительным аккордом, удивительным логическим обретением того далёкого летнего дня, сполна насыщенного событиями и моими эмоциями, и я чувствовала, что стою на пороге новой и прекрасной жизни.

Я была абсолютно, безмерно счастлива.

* * *

Завариваю утренний чай с имбирём и мятой. Много лет я предпочитала пить утром кофе, но иногда в силу некоторых причин, называемых жизненными обстоятельствами, привычки имеют обыкновение меняться.

Любовь к кофе, конечно, осталась. Если насыпать в турку две чайные ложки арабики среднего помола, добавить – буквально на кончике ножа – крошечную порцию соли и зёрнышко кардамона, получится восхитительный ароматный напиток, волшебным образом поднимающий настроение. Я балую им себя в выходные дни; в будни готовлю чай, чаще – травяной, памятуя о неперенной его пользе.

Чищу и тру на мелкой тёрке корень имбиря, и моя уютная кухня мгновенно наполняется приятным терпким ароматом эфирных масел, входящих в состав этого удивительного природного продукта. Веруя в его несомненную пользу, почти каждое утро я стараюсь готовить имбирный чай с лимоном и мятой для моей семьи, несмотря на юношеский скептицизм сыновей относительно моего рвения. Хотя, возможно, это и не скепсис вовсе, размышляю я порой, а принятие неизбежности жизни, дескать, чему быть – того не миновать, а это значит, что мои дети мудрей меня, неутомимой женщины-матери, вечно мятущейся в попытках достижения лучшего результата. Однако я твёрдо помню замечательную поговорку, всегда произносимую бабушкой, а после – мамой: «Делай, как должно, и – будь, что будет», усомниться в которой ни разу не позволила мне жизнь.

Когда у нас с мужем родился первенец, мы втроём часто навещали стареньких родителей моего отца, бабушку и дедушку, искренне радующихся каждому нашему приезду. Вспоминаю напутствие дедушки, которому всегда старалась следовать: «Ты должна сделать всё возможное, чтобы у твоих детей было счастливое детство». У меня ведь оно, несомненно, было счастливым. И материальные блага здесь ни при чём, дело-то не в них: мы жили, как все. Счастливое детство – это своеобразный генератор хороших человеческих качеств. Это некая ступень в дальнейшую жизнь, нематериальная её опора.

Сызмальства мы ценили человеческие взаимоотношения превыше прочего. Это осталось во мне на всю жизнь и всегда казалось естественным. Крепость этих взаимоотношений вырастала из количественной плотности имеющихся у каждого личностных качеств со знаком «плюс»; так проверялась дружба, так определялась надёжность человека. И по сей день

именно это определяет для меня суть человека, а уж потом идут его регалии: «ведущий специалист», например, или «начальник отдела», «генеральный директор компании *имярек*» или президент страны. «Если парень в горах – не ах...», – пел незабвенный Высоцкий. Если человек ведёт себя не по-людски, он, «подобрав» в моих мыслях все свои регалии, мгновенно уходит из моей жизни, даже если продолжает пребывать в ней физически, являясь, например, коллегой по работе, с которым волей-неволей приходится обсуждать рабочие моменты; приятельницей, знакомцем, периодически проявляющимися в моей жизни, – ведь мир тесен. И я страдаю от этого, потому что не хочу иметь с таким человеком ничего общего, но вынуждена из вежливости идти на контакт и что-то говорить, памятуя к тому же и о том, что худой мир лучше доброй ссоры.

В детстве мы чётко понимали, что хорошо и что плохо, порой это было на подсознательном уровне. Мы были дружны, юны и наивны. Большинство моих воспоминаний детства светлы и прекрасны, несмотря на многие жизненные нюансы, которые нам тогда были не видны или непонятны в силу нежного возраста. Кроме того, характерной особенностью того времени было строгое воспитание. Бабушка, у которой я проводила много времени в детстве и отрочестве, постоянно твердила, что женщина должна всё уметь: и приготовить-постирать-убрать, и потолок побелить, если надо, и обои поклеить, и шить-вязать, и вообще – делать любое дело. У неё была непростая жизнь, полная лишений, заставившая её научиться всему необходимому; а еще у неё были золотые руки и доброе сердце, и она учила меня всему, что умела сама. Это я к тому, что белоручкой я никогда не была и пословицу «Делу время, потехе – час» знаю не понаслышке. Но всё это рассматривалось мною не как нечто ущемляющее мои детские, а после и юношеские интересы и время, а как вполне естественный и необходимый для будущей жизни процесс; так было принято, так жили многие.

Мама же старалась – весьма небезуспешно, надо сказать, за что ей сердечное спасибо и низкий поклон! – развить в нас с сестрой чувство прекрасного, внести в наше воспитание штрихи эстетики: покупала билеты на спектакли, водила нас на выставки, в музеи, на концерты классической музыки, поэтические вечера. В родительском доме на полках было множество кассет с домашними записями классики (когда-то это были также пластинки, а теперь, конечно же, ещё и диски), которые мы часто слушали, в том числе в дни прихода гостей. Мама всегда была центром компании, её душой. Слушать её было истинным наслаждением: обладая безусловным даром рассказчицы, она могла искромётно и с юмором нарисовать такую картину, что все только диву давались. К тому же она была эффектной женщиной и умела подать себя соответствующим образом, и я нередко ловила папин горделивый и восхищённый взгляд, которым он, улыбаясь, одаривал маму, взгляд, говоривший лучше любых слов.

Мама никогда не копила отрицательных эмоций и, будучи человеком порывистым и горячим, могла легко выплеснуть их на нас, покричать. Она отнюдь не была простой бабой с языком-помелом, совсем напротив – утончённой дамой, при этом – открытым человеком с живой душой, таким сторонником справедливости, «девочкой-отличницей» (аллегорически, разумеется, да и не только: высшее образование и учёная степень кандидата наук говорили сами за себя). Часто она говорила то, что чувствовала, не задумываясь, что безапелляционными суждениями или ироническими высказываниями может кого-то обидеть: ведь выслушивать правду-матку или инакомыслие, порой звучащее насмешкой или своего рода провокацией, не всякий захочет. Жизнь не делится на белое и чёрное при наличии множества полутонов и, с позволения сказать, полуправд.

Как могла, мама старалась оттянуть наше с сестрой взросление, считая это необходимым для правильного воспитания девочек. Согласно её мнению, в первую очередь надо было сформировать и закрепить положительные человеческие качества, прививаемые мне и сестре, и многому нас научить, а уж потом, когда придёт время, всё прочее станет логическим завершением формирования личности. Например, она категорически возражала, когда в двенадца-

тилетнем возрасте я попросила её позволить мне проколоть уши, говоря, что сама сделала это лишь в двадцать пять: «Рано ещё!». Но потом сдалась, конечно, под напором бабушкиных убеждений, а бабушка собственноручно отвела меня на эту экзекуцию, будучи уверенной в её необходимости для украшения внешности внучки согласно принципу «Чтобы – не хуже других!».

Вплоть до двенадцати лет мама часто заплетала мне косы и укладывала их «корзинкой» на затылке, завязывая над каждым ухом по банту из вплетённых в волосы ярких капроновых лент. Мне же безумно хотелось модную стрижку или просто собрать волосы в хвост и прихватить заколкой на уровне шеи, сделав его низким, спускающимся по спине.

А ещё лучше – распустить волосы, и пусть они свободно струятся, развеваемые ветром! Что может быть прекраснее: ведь я – принцесса Элиза! Это имя я выносила в себе с младенчества, если быть точной – с того времени, сколько себя помню; оно олицетворяло для меня прекрасную юную девочку-принцессу, скромную, нежную, трудолюбивую и очень красивую.

С пяти лет я начала заниматься музыкой. Это была инициатива мамы, которая постаралась воплотить во мне собственную мечту – владение инструментом (так она называла фортепиано), дав мне эту возможность, которой волею судьбы была лишена сама, вкупе с другой уже бабушкой, папиной мамой, потратившей большие в то время деньги и купившей для меня фортепиано с мелодичным названием «Лирика». Оно поддерживало лирическое настроение, которому, будучи постарше, я частенько бывала подвержена. В течение последующих семи лет мама и бабушка поочерёдно возили меня в музыкальную студию, располагавшуюся в нескольких автобусных остановках от нашего дома. У меня была замечательная, добрая и чуткая учительница; многие лета, утекшие с тех давних пор, не растворили в моей памяти её имени, я и теперь отчётливо его помню. Из неуклюжего, лишь отчасти музыкального ребёнка, в глубине души которого сидели эти неотшлифованные и невостребованные покамест задатки, эта милая и внимательная женщина, прирождённый педагог, сумела вылепить человека, не мыслящего жизни без настоящей музыки, умеющего ценить её изящество и красоту. Она, бесспорно, являлась талантливым педагогом: мне повезло.

Как-то мы разучивали знаменитое произведение Людвиг ван Бетховена «К Элизе», известнейшую в мировой классике пьесу-багатель. Справившись вполне с этой задачей, вскоре я исполняла пьесу уже без нот, легко и непринуждённо, размышляя о судьбе девушки, которой пьеса была посвящена, создавая в голове собственный её образ, как внешний, так и поведенческий, неразрывно связанный с чудесной, элегической музыкой.

Этот образ неизменно переключался с образом Элизы из любимой детской сказки Андерсена о девочке и двенадцати её братьях, переживших множество испытаний, что посылала им судьба. Доброта девочки противостояла злым чарам мачехи и победила их, а её мужественность, жертвенность и красота были вознаграждены любовью короля, с которым они душа в душу (мне так хотелось в это верить!) прожили много счастливых лет.

Я безмерно восхищалась этой девочкой-девушкой и часто представляла себя на её месте. При этом мне хотелось быть похожей на обеих Элиз сразу, но в голове при этом зрела своя, совершенно особенная Элиза, в облике которой волшебным образом переплетались все прекрасные качества, которыми может обладать девушка.

Подобные фантазии мои, конечно, большей частью имели место в прежнее время, целиком оставшись в юности. Сейчас я мечтаю всё реже: реалии жизни и опыт стремят мои мысли в иные дали, к иным рубежам. Жизнь, разумеется, оказалась намного грубее и проще любых мысленных инсинуаций. Созревшая в моей душе сказка так и осталась прекрасным вымыслом, будучи со временем упрятанной в глубоких её тайниках. У меня оставалось всё меньше времени для игры на фортепиано, пальцы постепенно отвыкали от привычности движений и бархатной прохлады клавиш, и в какой-то момент я не смогла воспроизвести любимую пьесу, как и многие другие произведения, утраченные памятью глаз и пальцев. Сказка же про Элизу и бра-

твев не произвела большого впечатления на моих сыновей, которым я впоследствии читала её; им по душе были другие чудесные истории и сказки. А дочка, которая, возможно, поняла бы меня лучше, у меня никогда не было.

Я встретила и своего короля. Говорю так, потому что знаю: тогда я была королевой. Мысленно, конечно. Но мои жертвенность, нежность, чуткость и красота не стали для него жизненно необходимыми; может быть, он видел и воспринимал их по-своему, а может, и вовсе не нуждался в них, хотя и любил меня – я это точно знаю. Ведь нуждаться и любить – не совсем одно и то же. Я так и не стала его судьбой, а он не стал моей; не жили мы никогда долго и счастливо вместе – жизнь и сюда внесла свои коррективы.

Этим королем был для меня ты.

* * *

Ты был старше меня на восемь лет, поэтому казался мне зрелым мужчиной. А мне той весной исполнилось восемнадцать, что позволяло – подумать только! – считать себя совсем взрослой, и подобные мысли наполняли сердце упоительными чувствами. Быть взрослой означало жить свободной и в чём-то непредсказуемой жизнью, открывающей множество перспектив, и выбрать самый прекрасный и удивительный путь из всего жизненного многообразия, казалось, было в моих силах. Впрочем, и свобода, и беззаботность были относительны, как и выбор дальнейшего пути. Много позже я поняла: не мы выбираем судьбу, а она выбирает нас.

В день нашего «околоавтобусного» знакомства, когда сама судьба (не иначе!) в прямом смысле этого слова толкнула меня в твои объятия, ты проводил меня до подъезда, и мы долго стояли, не в силах расстаться, разговаривая о каких-то пустяках. Слова не имели значения; говорили большей частью наши взгляды, они держали нас на одной волне и, казалось, сообщали больше, чем могли бы любые слова, а значение звуков наших голосов дополняло значение сказанных слов.

Было очень жарко. Цвёл поздний жасмин, и насыщенный аромат наполнял наши лёгкие тягучим благоуханием. Кто-то высадил два куста жасмина по обе стороны двери подъезда моего дома, и они, теперь уже вымахавшие ввысь, неистово цвели и благоухали, а я, надо сказать, впервые осознанно обратила на них внимание, хотя, как мне потом сказала мама, эти кусты росли здесь уже лет пятнадцать и цвели каждый год...

Ты позвонил спустя три дня. Странно было слышать твой голос сквозь пластмассу телефонной трубки, а не вживую, но я сразу узнала его: не узнать было невозможно. Не могу сказать, что извелась ожиданием, но эти дни постоянно думала о тебе и мысль «Почему он не звонит?» приходила ко мне неоднократно. И всё же свою роль в моей реакции на всё происходящее с нами сыграла немаловажность моего воспитания, когда строгость, гордость, холодность (пусть даже напускная) должны были подчёркивать достоинство девушки, воспитанной в советское время. Поэтому в разговоре с тобой я (хоть и возликовала, услышав тебя) никак не обозначила свои истинные чувства (во всяком случае, мне так казалось).

– Аля!.. – Твой голос излучал тепло, я чувствовала это и не могла мысленно не рвануться тебе навстречу...

Это было началом нашей реальности, временем ничем ещё не омраченного счастья, близости, доверчивости, восторженной нежности, радости, иными словами, всех тех эмоций, на основе которых замешиваются истинные чувства. Что и говорить, я окунулась в любовь; ты был, без ложной скромности, моей первой и настоящей любовью. Почему я говорю «настоящей»? – ни в коей мере не утверждаю, что бывает ненастоящая. Только настоящая и бывает, если речь идёт о любви.

Мы стали встречаться.

Виделись мы нечасто. Возможно, этот нюанс в некотором роде помогал нам сохранять свежесть чувств. Этой мыслью я успокаивала себя; надо же было придумать объяснение чему-то неясному, чтобы иметь возможность легче принять это как данность, если не остаётся ничего другого! Это, конечно, не совсем так, моя ирония здесь не вполне уместна: нечастость встреч по большому счёту определялась родом твоей работы (ты был спасателем – редкая и трудная профессия) и несовпадением её графика (ты часто уезжал на сборы) с моей начавшейся в сентябре учёбой. Кроме того, весь август, предваряющий начало первого семестра, я вынужденно провела у бабушки в другом городе: она сильно болела, что вызвало необходимость постоянного нахождения рядом. Таким образом, в последний месяц лета моё отсутствие и твоя занятость не позволили нам увидеться. Потом началась учёба – долгожданная учёба в долгожданном ВУЗе, – закружившая меня в вихре студенческой жизни. Но эту жизнь я воспринимала сквозь призму наших с тобой отношений, потому что моя душа постоянно стремилась к тебе.

Я гордо ждала твоих звонков и предложений встретиться, не делая попыток проявить инициативу, хотя порой так хотелось наплевать на эти дурацкие условности! Но воспитание, ничего с этим не попишешь, диктовало мне свои неукоснительные правила, корректировать которые я ещё не научилась.

Несколько наших встреч, предваряющих мой августовский отъезд к бабушке, чудесным образом привязали мои думки к тебе, и я уже не мыслила своей жизни без этой привязанности и не могла понять, как жила без тебя раньше. Каждый наш разговор, каждая встреча становились для меня целым событием. Первые секунды разговора дрожь волнения не давала мне дышать, но потом я мысленно бросалась в пучину происходящего, лавируя между подводными камнями серой повседневности и бытовой рутины и притягательными островками тех запретных тем, которых мы пока не касались.

В этот период мы успели посетить несколько музеев (в то благословенное время подобное времяпрепровождение для мыслящих молодых людей не было редкостью: «осовременивание» молодёжи в сторону тусовок в клубах и прочей новомодной шелухи, в том числе и в виде посещений выставок современного искусства, бессмысленного и беспощадного, произошло позже). Первым из музеев (твоя инициатива!) был музей Востока у Никитских ворот. Здесь мы провели много времени, рассматривая каждую мелочь выставленной экспозиции: посетителей почти не было, никто нам не мешал, и мы могли наслаждаться тишиной, созерцанием удивительных экспонатов, каждый из которых, несомненно, имел свою уникальную историю, и присутствием друг друга. Ты показал мне самую большую в мире фигуру орла, выполненную из слоновой кости, и рассказал, что это подарок японского императора Николаю II ко дню коронации. Мы любовались пейзажами, выполненными мастерами тушью на шёлке и бумаге: изображения удивительно красочные, тонкой работы; миниатюрными скульптурками, о некоторых из них ты говорил несколько слов, то, что знал о них, и я понимала, что эта тема увлекает тебя. Мне хотелось узнать тебя лучше, поэтому я слушала тебя очень внимательно.

В другой раз мы оказались в Третьяковской галерее. Здесь можно было бродить бесконечно, наслаждаясь шедеврами искусства. Глаза и ум напитывались удивительной энергетикой, и мир виделся иначе: чище, лучше, глубже, выше, многослойнее. Но мы не задумывались тогда о подобных вещах, и мысли эти приходили в наши головы несловесными образами, вне формулировок.

Мы оба просто обожали творчество передвижников и с молчаливого согласия друг друга сразу же направились в эти залы. Васнецов, Маковский, Крамской, Пукирев... А потом мы остановились перед картиной, которая тебя завораживала: Врубелевский «Пан», картина аллегорическая, где переплетается видимое и невидимое в единстве красоты и глубины, столь присущее Врубелю. Ты сказал, что картина эта словно зафиксированная галлюцинация, что ты видишь в ней в первую очередь глаза Пана, которые смотрят мимо человека, хотя на первый

взгляд – прямо на него. Что ты чувствуешь ветер, состоящий из воздуха и движения, хотя всё вроде бы замерло, но это обманчивое ощущение. И пейзаж за спиной этого древнего бога живёт именно благодаря его взгляду, это словно портал в тот мир – мир запредельной реальности и лежащей за ней истины.

Мне тоже хотелось делиться с тобой впечатлениями от нравившихся мне картин. Я нередко бывала в Санкт-Петербурге (тогда он назывался Ленинградом): там жил давний друг отца, у которого мы всегда останавливались. Посещая Русский музей, любясь «Девятым валом» Айвазовского, я всегда находила что-то новое для себя в своих впечатлениях об этой картине; возможно, это объяснялось настроением, внутренним состоянием, влияющими на мировосприятие. Я попыталась рассказать тебе об энергии моря, берущей начало в уходящем будто ко дну основании, которую видела в картине. Для меня было очевидно, что люди, изображённые здесь, погибли, но картина эта – не ода смерти, а любующийся собою пейзаж, где облака и море – единое целое, вечная природа, а люди – лишь малая толика этой природы, неглавный её ингредиент. Ты ответил, что не понимаешь моря и боишься его, при этом ты улыбался, и я задавалась вопросом, шутишь ты или говоришь серьёзно. А вот лес и особенно горы тебе больше по душе, добавил ты, в них чувствуется сильнейшая энергетика, что пронизывает насквозь и вдыхает в человека жизнь. Хотя, конечно, картина написана красиво, добавил ты, и мои размышления тебе понравились, добавил ты снова, прикоснувшись губами к моей щеке...

Это была лихорадка первой моей любви, в которой всё было впервые: волнение перед встречами, которое я никогда не умела побороть, радость видеть и слышать тебя, быть рядом, разделяя с тобой отрезки жизни в смутной, юной, счастливой надежде на большее. Вместе с тем это было время, наполненное малодушными, беспочвенными страхами, когда любое язвительное слово могло ушибить или сразить наповал, любая мысль могла низвергнуть с небес в пучины растерянности, отчаяния и беспричинной тоски. Впрочем, это было вполне объяснимо моим возрастом и новизной происходящего.

Часто при встречах со мной ты впадал в созерцательную задумчивость, иногда – в ироничную насмешливость, но ирония твоя не была злой и направлялась не на меня, хотя я не видела ничего предосудительного в способности посмеяться над собой. К тому же для насмешки нужна лёгкость, являющаяся несомненным вкраплением твоего характера; защитной же реакцией твоей на окружающую жизнь была, пожалуй, молчаливая сдержанность, прорисованная, скорее всего, из твоей несклонности обнажать свои чувства, выставлять их напоказ. Поначалу ты показался мне открытым человеком, но позже пояснил, что это черта твоего характера: сначала ты раскрываешься, а вскоре становишься сдержанней и молчаливей. Меня это совсем не удивляло. Мне было уютно молчать рядом с тобой, мне казалось, ты становился ближе, о чём бы ты ни думал. Возможно, это была своеобразная маска, которую ты привычно носил многие годы, ставшая уже свойством твоего характера, которая не меняла моего настроения.

Ты любил слушать меня, а я волновалась, сыпала эпитетами и много жестикулировала, когда рассказывала тебе о чём-либо, чем хотела поделиться с тобой. Ты посматривал на меня с улыбкой, чарующе притягательной и завораживающей, а твои глаза были отражением целого мира, огромного и неизбежного, в который я стремительно и безоглядно погружалась головой и сердцем, что были переполнены моими чувствами. Я эмоционально делилась с тобой множеством излишних порой подробностей, но ведь именно они придают жизни смысл, разве не так? Они, эти сегменты жизненных событий, складываются в мозаичный рисунок наших судеб, и, рассматривая каждую деталь этой мозаики в отдельности, разве нельзя увидеть глубинный смысл, нечто большее, чем просто событие, ниоткуда, казалось бы, взявшееся? К тому же излишние подробности можно красиво и весело подать, если они не о грустном, конечно. Это не плохая черта; гораздо тяжелее общаться с людьми, которые видят смысл жизни в том,

чтобы всем и каждому доказывать свою правоту. Или такими, что пребывают в агрессивном невежестве, выплёскивая его во все стороны нарочито-настойчиво.

С высоты своего возраста (даже смешно стало от этого словосочетания, но тогда, как я уже упоминала, ты казался много старше) ты никогда не поучал меня, но мягко и ненавязчиво мог дать полезный и нужный, а главное – своевременный – совет. Твоё мнение относительно чего бы то ни было являлось для меня неизбежно важным, хотя с собственным мнением я считалась не меньше; впрочем, всё это была проза жизни, хоть и немаловажная. Поэзия же заключалась в трепетном чувстве, которое мы питали друг к другу. Ничего подобного я не испытывала больше никогда.

Ты не был идеальным человеком, человеком без недостатков, порой удивляя, а иногда и возмущая меня своей реакцией на какие-то события, хотя, возможно, раздражение подобного рода было обусловлено взрывным молодым и не устоявшимся тогда ещё моим характером, насыщенным в полной мере эмоциями с немалой примесью юношеского максимализма. (С течением времени характер, конечно же, отшлифовался: я стала спокойней.) Обижаться на тебя я не умела, как не умел и ты обижаться на меня, и это обстоятельство, вкупе с другими, сближало нас, хотя тогда казалось, что поводов для обид бывало предостаточно. Но они были столь ничтожны, как я уже теперь понимаю, что мы оба, несмотря на юный возраст, умудрялись не поддаваться этим минутным порывам со знаком «минус».

На любимых обижаться глупо: жаль потраченного впустую времени в обидах и разлуке, которое уже не вернуть; жаль сил, уходящих на выяснения и объяснения вкупе с неосторожными и обидными порой словами, которые – увы! – не воробьи: вылетят – не поймаешь. К тому же та бесконечная потребность в любви, которая так ярка и неотъемлема для юности, оказывала нам своим присутствием неоценимую услугу: нас неудержимо влекло друг к другу.

Ты рассказывал, что, когда родился, твой отец стремился назвать тебя своеобразным именем «Олесь», но мама, по счастью, оказалась настойчивой в своем благоразумии, уговорив мужа изменить это решение в пользу созвучного тому в некотором роде имени «Алексей», которое ей очень нравилось. Я посмотрела на тебя, мысленно «приложив» этого Олесья к твоему лицу и облику, и улыбнулась: ты совсем не был на него похож. Ты был ярким олицетворением своего имени: сильным, надёжным, мужественным, с твёрдым взглядом и правильными жизненными понятиями; ты умел быть нежным, и тогда моё сердце плавилось оттого, что ты рядом.

Позже я задавалась вопросом, насколько сильным и страстным было это – несомненно, романтическое – приключение с твоей стороны, насколько всё происходившее тогда с нами было эмоционально тебе подвластно. Про себя я понимала всё: я отдала тебе тело и душу, и эта страсть стала для меня бессмертной.

* * *

Иногда так странно начинается день! Проснёшься утром с ощущением какого-то события, будто что-то произошло, и постепенно в ещё сонной голове формируются только что виденные образы и эпизоды и связанные с ними мысли: это был сон, но очень живой и словно реальный. И вот жизнь продолжается, но не с начала дня, а будто бы с тех явлений, которые только что имели место и дальше следуют неразрывно, одно за другим, без перерыва на ночное время с вынужденной паузой. Иногда возвращение в реалии жизни приносит облегчение, потому что снился кошмар, причем настолько страшный, что невольная радость охватывает сердце после пробуждения при мысли о его нереальности, невсамделишности и ненастоящести. А иной раз так хочется продлить только что увиденное во сне, словно это было какое-то чудо с собственным участием, и безумно жаль, что оно окончилось и оказалось всего лишь сновидением, а не реальностью.

Что же таят в себе сны? Меня всегда занимал этот вопрос. Говорят, что слушать чужие сны скучно; возможно, это так. И всё же... Почему мы видим то или иное событие, человека, ту или иную живую картину? Что (или – *кто*) за этим стоит? Это своего рода исполнение желаний? Или решение дневных задач? Может быть, и вправду во сне сбываются желания, но тогда что же такое «желания»? Приходит мысль, что существует мир невидимый нами, не поддающийся простому объяснению. В этом мире, отделённом от нас и в то же время расположенном где-то в нашем сознании, разуме, сердце и глазах, словно обитает кто-то, говорящий на своём языке и предлагающий понимать этот язык в меру нашего разумения. Всё это очень странно, потому что самые обыденные, казалось бы, вещи вызывают в нашем сознании чувство неборимой радости: например, приснившаяся обыкновенная пыльная, каменистая дорога, и впереди, вдалеке, – неяркий, мягкий свет, и ты идёшь к нему... Или испытываешь ужас, когда сначала медленно, но с постепенным ускорением падаешь в чёрную бездонную пропасть, а небо, уменьшаясь, исчезает из поля зрения, и чёрные стены пропасти без дна смыкаются над тобой... В общем, ужас. Что-то сидит в подсознании, что выходит на поверхность в виде этих снов и олицетворяет собой какие-то невероятные их глубины.

Иногда снятся родные люди, умершие ныне, но во сне словно живые; мне снятся обе бабушки, и я как будто возвращаюсь в детство или в какое-то беззаботное будто бы время, и хочется так много им сказать... И они тоже что-то говорят или молчат и находятся просто рядом... Иной раз снятся друзья детства, с которыми утрачена связь, которых не видела очень давно и неизвестно, живы ли они, и как-то хорошо и спокойно становится, когда видишь их родные лица, позабытые в реальной жизни, но вдруг всплывающие из каких-то неведомых глубин памяти... Трудно объяснить. И хочется запомнить всё, что говорится, всё, что происходит во сне, потому что эмоциональный окрас этих снов очень ярк и силён, хотя порой нелепости превалируют над их здравым смыслом. Но в сплетении нелепостей, возможно, заключена важная мысль, требующая разгадки, нечто принадлежащее нашей реальной, повседневной жизни, нечто живущее в нашем сердце, ожидаемое, радостное или мучительное, что потом невозможно ни разгадать, ни вспомнить.

Пора на работу и учёбу. Захожу в комнату сыновей будить их в назначенное время. Оба уже взрослые и самостоятельные, и всё же иногда просят меня об этом. Старший сын живёт отдельно со своей девушкой, они собираются пожениться, откладывают деньги на свадьбу и путешествие. Сегодня Женечка остался у нас: его любимая улетела в командировку, и он решил навестить маму с отцом и младшим братом. Ему комфортно в родительском доме; для меня это как бальзам на душу, а трепетное отношение мужа к сыновьям – отдельная тема для разговора, и мальчишки это знают.

Евгений похож на отца не только внешне, но и подавляющим большинством черт своего характера: цельный, логичный, мягкий и добрый, немного меланхоличный, немного закрытый – «вещь в себе», как говорит моя мама. Кстати, последняя черта присуща и моему отцу, унаследована сыном от обеих линий предков. Меня радует его трепетное отношение к семье, его привязанность ко мне, меня несказанно трогают его нежная забота и внимание и, что удивительно, он не стесняется проявлять их.

Он просыпается так же, как и я, легко. Он жаворонок, и процесс его пробудки занимает ровно пару секунд: стоит слегка коснуться его плеча рукой, и он открывает глаза, которые мгновенно наполняются земными мыслями после ночных видений. В этом он похож на меня, и меня это тоже радует. Так же, как и мне, ему проще встать рано утром и переделать нужные дела, чем оставлять что-то на вечер, тем паче поздний. Хотя, конечно, в юном возрасте сил гораздо больше и голова светлая, можно сказать, круглые сутки.

Другое дело мой младший сынок. Максим – совершеннейшая сова и разбудить его крайне непросто, даже если накануне он лёг вовремя по обычным меркам. Утром встаёт очень трудно, но есть слово «надо», никуда не денешься. У меня ощущение, что он может встать рано утром

(что, разумеется, и происходит, ибо есть надобность), поехать по делам и даже их делать, практически не просыпаясь. Спит как сурок, одним словом.

Глажу его по голове, мягкие русые волосы послушны под моей рукой. Совсем ещё мальчик... Внешне Максим моя копия; характер же у него «свой собственный», не похожий ни на кого из родных, хотя малая толика черт схожа с чертами отца и деда. Иногда он смешливый балагур, иногда ироничный собеседник на грани сарказма, порой берёт верх молчаливая усталость, и тогда он тихо сидит в комнате за компьютером, учится или читает, и я не беспокою его, понимая, что ему необходимо побыть одному.

Личное пространство – неотъемлемая, обязательная часть жизни каждого человека, оберегать которую, на мой взгляд, просто необходимо. Когда я росла, этому аспекту не уделялось не то, что должного, попросту никакого внимания, этого понятия практически не существовало, у людей были иные жизненные приоритеты, во всяком случае, такое положение вещей имело место в подавляющем большинстве семей моего окружения. Сейчас другое время, жизненные перемены диктуют свои непеременные условия, которые приходится принимать, тем паче, если речь идёт о пользе для близких людей. Помню, как в детстве и отрочестве мне крайне не хватало этого пресловутого пространства: вокруг постоянно находились члены семьи, стеснённые жилищными условиями, которые наверняка тоже страдали от невозможности побыть наедине с собой...

Пытаюсь разбудить Максима мягко, но решительно. Моя настойчивость побуждает его повернуться ко мне сонной физиономией, и он, с закрытыми ещё глазами, невнятно говорит примерно следующее: ему надо заглянуть в комнату, там его ждут, вот он уже к ней подходит и сейчас войдёт, надо подождать... И снова провалился в сон. Я опешила: какая-то комната, там его ждут, и он туда уже вошёл... Значит, дам ему ещё пять минуток, пусть всё, что ему нужно, осуществится внутри этой комнаты; а вдруг это важно?! Впрочем, когда он завтракал и пил чай перед уходом на учёбу, я аккуратно спросила его на предмет этого сна, он уставился на меня в недоумении, ничего уже не помня ни о комнате, ни о чём-либо приснившемся – начисто забыл. И я, улыбнувшись, обняла его и поцеловала.

Я часто летаю во сне. Есть мнение, что это свойственно молодости и говорит о том, что человек ещё растёт; но мой случай, по-видимому, нечто особенное: полёты в зрелом возрасте, оказывается, тоже возможны. Летаю я по-разному, иной раз трудно взлетаю и медленно парю над землёй, иной раз уношусь в запредельные выси, соприкасаясь с тёмным небом и звёздами, которые готовы, как мне кажется, поглотить меня, если я не вернусь обратно прямо сейчас...

Иногда мне снишься ты, порой несколько ночей подряд. Эти сны пронизаны светлой радостью или печалью, тоже светлой, что живут внутри меня, где-то в подсознании. Порой я не узнаю твоего лица, но твёрдо знаю, что это ты, что ты снова пришёл повидать меня, пусть даже во сне... Значит, ты помнишь обо мне. Мне хочется сказать тебе так много, но мы молчим или говорим о том, что естественно в те моменты, но не в реальной жизни, и я просыпаюсь с ощущением какой-то незавершённости, что не успела что-то сделать, сказать, донести до тебя...

Хорошо помню недавний, днями приснившийся сон, напоминавший какую-то странную романтическую фантастику с меняющимися моими внутренними ощущениями. Город – не город, окружающее пространство меняется, время года неизвестно. Природа, просторы. Ты и я. Мы вместе – прежние, юные, мы любимы друг другом, но словно бы разлучались по какой-то причине и вот – встретились (всё это – красной нитью в виде ощущений). Мы на воде (отчётливо помню корабельную обшивку, белую и голубую, крупные соединяющие болты, покрытые белой краской). Леерные ограждения, почему-то низкие. Голубая вода за бортом, плещутся волны. Ощущение её теплоты и мягкости, словно она и живая и неживая одновременно и её можно потрогать рукой и приподнять, как одеяло. Одним словом, не утонешь. Ты рядом, держишь меня за руку. Смотришь на меня, что-то говоришь, но не словами – жестами. Губы твои

шевелиются, слов не разобрать, но я понимаю, что ты говоришь о своей жизни, делишься чем-то со мной. Мы здесь ненадолго, но – вместе. Вокруг всё – спокойствие, доброжелательность. Ходят какие-то люди, они деловиты, но спокойны, не суетливы. Их количество разнится: то их больше, то меньше, но к нам не подходят: они как фон. Мы с тобой оказываемся в комнатке, отгороженной от общего зала (как мы туда переместились, не знаю, как-то сами собой...), наши лица близко друг к другу, я смотрю в твои глаза, это завораживает, какое-то летящее ощущение внутри... И вдруг наша комнатка, словно лифт, уходит вниз, очень быстро, прямо дух захватило. Мы оказываемся под водой, становится душно, но вода не заливает нос и рот, а словно душит, как будто без воздуха, и становится темно. Мне не страшно: ты рядом. Я вижу тебя отчётливо, будто какое-то свечение вокруг нас, я смотрю на тебя во все глаза. Ты отстранён, как всегда, весь в себе, но неотрывно смотришь в мои глаза, и я читаю этот взгляд и понимаю, что важна для тебя, что имею для тебя значение, – ты даёшь мне это понять без слов. Ты крепко держишь мою руку, и это ощущение моей нужности тебе внутренне поддерживает меня, и сон окрашивается душевным подъёмом, нежностью, радостью... Эйфория. Ощущение счастья. Ты говоришь, что всё замечательно, что вот сейчас... – и мы оказываемся в иной реальности. Мы плывём в совершенно прозрачной, тёплой воде, она легка и мы легки вместе с ней. Синее безоблачное небо, яркое солнце, синяя прозрачная вода. Плывём по водному коридору вперёд. По обеим сторонам – дома́ из тёмного кирпича, выстроенные прямо на воде в стиле пагод, но не высоких – низеньких, приземистых, тёмных, наклонённых к воде, очень старых, древних. Мы оказались в старом зачарованном городе, куда закрыт путь для большинства. Меня пронзает яркая эмоция, как будто открывается какой-то мир, светлый и прекрасный, и теперь так будет. Так будет... Появляются какие-то люди, вдалеке играют дети, кто-то смеётся. Голоса. К тебе подплывают две девушки, они очень похожи одна на другую, что-то говорят тебе, я слышу все сказанные ими слова (которые улетучились сразу же, как я открыла глаза), и ты отпускаешь мою руку, собираясь уплыть с ними, и я понимаю, что ты сейчас уплывёшь... Происходящее окрашивает мой сон соответствующими эмоциями, которые трудно передать словами. Ты отрываешься от меня... но сразу же возвращаешься и протягиваешь мне раскрытую ладонь, на которой лежит колечко. «Возьми, это тебе, это – твоё, пусть оно будет у тебя, всё будет ослепительно хорошо, просто замечательно, я обязательно вернусь!..» – говоришь ты и исчезаешь... Внезапно я оказываюсь на суше, вода убывает, пагоды уходят, словно в песок, эта реальность, этот мир уплывает куда-то за горизонт. Земля темнеет. Я остаюсь одна. Рассматриваю колечко, лежащее на моей ладони. Сделано из золота, наверное, высшей пробы, темноватое, тонкой работы. Украшено маленьким сердечком неправильной формы, плоским, тоненьким прямо как золотой лист, мне кажется, тоньше волоса. Я беру колечко пальцами, перекалываю на другую ладонь, аккуратно и плотно сжимаю её, чтобы не потерять твой дар. Поднимаю голову – увидеть, куда ты ушёл... Просыпаюсь.

Помню весь сон, он перед моими глазами, как будто всё происходило на самом деле. Отчётливо помню это колечко, тонкое-тонкое... Оно словно бы сделано вручную, не штамповка, сделано неумело – это видно по внутренней стороне отделки, но – очень красиво... Я помню, что не стала его надевать, как будто что-то мешало мне сделать это. Да, оно моё, но вместе с тем – не для того, чтобы его носить: оно как некий символ чего-то... Ты отдал мне его не чтобы носить, а чтобы хранить. И я храню его – как мечту, как воспоминание – в своём сердце.

Говорят, память сердца сроков давности не имеет. Возможно, это действительно так, иногда я соглашаюсь с этой мыслью. В повседневной чередке наших будней яркие воспоминания и образные думки о прошлом часто всплывают из подсознания, продолжая существовать и влияя порой на настоящее, причём всякий раз по-новому, словно где-то в ином измерении в свою очередь тоже растут и меняются. И это удивительно, хотя иногда и кажется естественным. Но... какой толк в постоянном прокручивании про себя прошлого, непрестанно восста-

навливая связную картину своей жизни? – трудно сказать... Со временем я стала делать это реже, стараясь жить настоящим, но ведь без прошлого нет будущего: прошлое лепит настоящее, закладывая основы будущего, и с этим не поспорить и ничего не поделать. Остаётся принять это как данность и просто жить дальше.

* * *

...Услышать бы твой голос!

Помнишь, мы с тобой читали и обсуждали где-то раздобытую твоим другом копию послания, якобы найденного в Балтиморе в 1962 году в одной старой церкви? Ты ещё говорил, что это «как на приёме у психолога: “найдите мир в душе”, и это, конечно, хорошо, но – как его найти?» Там есть удивительные фразы, например: «Вы – дитя мироздания не меньше, чем деревья и звёзды: вы имеете право быть здесь. И пусть это для вас очевидно или нет, но мир идёт так, как он должен идти». Или вот, другая: «В сравнении с пустотой и разочарованием любовь так же вечна, как трава». Или вот эта: «Со всеми коварствами, однообразными трудами и разбитыми мечтами мир всё-таки прекрасен. Будьте к нему внимательны».

Все эти слова способны помочь, поддержать потерянного в житейской суете человека. Всё меняется, но ничто не уходит. Всё хранится внутри нас, может быть, это и хорошо. И потом, что такое счастье? – это состояние души. Оно ведь посещает каждого, хотя бы иногда! А постоянно быть счастливым, мне кажется, невозможно. Значит, эти мгновения, эти жизненные отрезки и есть то, ради чего мы живём. В такие моменты ощущается прилив сил, хочется что-то делать, чтобы как можно дольше сохранить это ощущение внутри себя; главное, понимаю, – не оставившись, не замирать. И часто думаю о тебе, ты в некотором роде ассоциируешься с этим состоянием как часть совокупности светлых и прекрасных чувств, живущих внутри меня, как важный жизненный отрезок, наполненный ими, снискавший ныне иные формы и образы, в которых я сумела обрести спокойствие и мир в душе. Ведь внутреннее состояние и ощущение себя обмануть трудно.

Вспоминаю первую нашу поездку на дачу к твоим родителям. Когда ты предложил мне это, первой моей молчаливой реакцией было желание отказаться: я понимала, что буду страшно волноваться и не смогу в таком состоянии, как мне казалось, быть адекватной. Но, конечно, я не подала виду и согласилась. Это событие казалось мне действием планетарного масштаба (вспоминаю и улыбаюсь тем своим переживаниям!), мне хотелось держать лицо и быть на высоте.

Я мысленно готовилась к поездке, памятуя, что твои родители увидят меня впервые: мне хотелось произвести на них благоприятное впечатление. Я тщательно продумывала всё: внешний облик, слова, которые буду говорить при знакомстве, темы, способные заинтересовать всех тех, с кем доведётся общаться. Ты сказал, что у родителей, скорее всего, будут гости; мне предстояло познакомиться и с ними.

Мной был выбран повседневный, но нарядный стильный образ (из того, что было): сшитая для меня маминной подругой зелёная кофточка с кремового цвета воротничком, вырезом на шнуровке и кремовыми обшлагами коротких рукавчиков и юбка-тюльпан, а также тканевые тёмно-салатового оттенка лодочки на белой подошве («на манке», с улыбкой говорила о ней бабушка), красивые и удобные для прогулок вне городских джунглей. Серьги и бусики из малахита более глубокого, нежели весь мой наряд, зелёного тона дополняли общую картину, которой я любовалась в зеркале в то утро. Я крутилась так и эдак, пытаюсь соорудить задуманную причёску, но волосы отказывались повиноваться, и я убеждала себя не нервничать, хотя осуществить это было, конечно, не в моих силах.

Сестра, наблюдавшая все эти манипуляции, от души потешалась надо мной, но я не обижалась на неё: разве она могла тогда понять меня? Она была совсем юной, и, как мне казалось,

с высоты своего возраста (два года в юности играют большую роль, кажется, что это много!) я понимала её лучше. После долгих мытарств результат, отражённый в зеркале, меня вполне удовлетворил. Я облегчённо выдохнула: осталось донести эту красоту до адресата и сохранить её по возможности надолго.

Мы с тобой договорились встретиться ранним утром в центре зала нужной станции метро и прибыли почти одновременно: выходя из вагона, я увидела тебя, подбегавшего к месту встречи. Я мысленно взлетела от нахлынувших эмоций. Впрочем, такая реакция на твоё появление (или телефонный звонок) была обычным моим состоянием.

– Привет! – Твои глаза обшаривали моё раскрасневшееся от волнения лицо. – Рад тебя видеть. Какая ты красивая! – Ты взял меня за плечи и рассматривал всю целиком, и я понимала, что мои усилия не пропали втуне, и радостно улыбалась в ответ. Я сильно соскучилась и не могла наглядеться на тебя. Ты поцеловал меня в щёку и летуче улыбнулся. – Пойдём? Электричка ждать не будет.

Ты взял меня за руку, и меня словно подключили к сети высокого напряжения. Для меня это был праздник сердца: желание касаться тебя было неизбывным, порой мне было трудно совладать с собой: именно поэтому тот момент ярко запечатлелся в моей памяти – из-за этого твоего жеста.¹

Спустя час с небольшим мы вышли на платформу и окунулись в подмосковную осень. Стоял нежный, тёплый сентябрь. Прозрачное небо с невесомыми перистыми редкими облачками, солнечные лучи сквозь редкую листву, в которых клубилась лёгкая пыль, густой, насыщенный аромат цветов и соломенный запах трав, пожелтевших и запылённых. Живая изгородь из каприфоли, шиповника и жимолости, почти полностью скрывшая под собой невысокий забор, окаймляющий дачный участок; яркие астры, царственные георгины, гроздь лимонника, винограда, крупные капли жёлтых медовых слив, красные корзинки калины и, словно из тёмного агата, – черноплодной рябины... Старый одноэтажный дом с верандой, где стоял большой овальный стол, центр которого украшала белая фарфоровая ваза с живыми цветами, а вокруг располагались длинные деревянные скамейки с множеством разноцветных подушек, сшитых из искусно подобранных лоскутков. В этом доме круглый год жила старенькая бабушка, мама твоего отца, и твои родители часто навещали её. Всё в доме было сделано с душой, красиво, всё дышало уютом.

Радужные хозяева встретили нас очень тепло, я до сих пор помню ощущение душевности и комфорта, которым была окружена весь день, что гостила у них. Волновалась я совершенно напрасно: они оказались милыми, приветливыми людьми. Особенно радовался нашему приезду колли по прозвищу Виня, который, видимо, очень скучал по своему главному хозяину, несмотря на обретенную свободу передвижения с возможностью порезвиться на свежем воздухе после тесноты маленькой квартирки. Он стремительно подбежал к нам, обнюхал меня и приподнялся на задних лапах, уперев в меня передние, бурно дыша и словно даже улыбаясь, и мне захотелось расцеловать его от нахлынувшей радости.

В твоей семье царила редко достижимая гармония: папа трепетно относился к маме, мама заботилась о папе; они любили друг друга, это было видно. И я невольно задавала себе вопрос: почему при таком чудесном отношении друг к другу у них только один ребёнок? Внешне ты оказался похож на отца, но манера поведения, некоторые жесты и твоя летучая улыбка достались тебе по наследству от мамы. Мне хотелось рассматривать её: она была очень красивой женщиной с правильными, утончёнными чертами лица, немного отрешённой, но вместе с тем нежной и любящей двух своих мужчин; мне показалось, что она и твой отец внешне чем-то схожи друг с другом, словно брат и сестра. Видимо, это был тот редкий случай, когда люди

¹ Когда Станиславского попросили описать глаголом, что значит «любить», он ответил просто: «Хотеть касаться...» – полностью разделяю его точку зрения! (здесь и далее – примечания автора).

встречают свои половинки, и обстоятельства сложились так, что они встретились под счастливой звездой: создали семью и остались вместе.

Были и гости – несколько человек, друзей семьи, и у меня создалось впечатление, что все они стремятся под сень этой пары, чтобы приобщиться к этому редкому явлению в мысленной поддержке себя, дабы почерпнуть силы для дальнейшей жизни. Понимание всего этого, конечно, пришло ко мне позже, а тогда эти мысли не успели обрести чётких очертаний, витая не очерченными, нечёткими образами, но запомнились на всю жизнь.

Светило мягкое осеннее солнышко, было тепло, день обещал оставаться ярким и насыщенным эмоциями. Всё было исполнено смысла, даже обычные слова и то, что мы делали. Пили чай на веранде, заваренный бабушкой из разных трав, собственноручно выращенных и собранных. Помню красивые тонкие чашечки из белого фарфора, печенье с изюмом, испечённое твоей мамой к нашему приезду, и мою фирменную шарлотку, предложение испечь которую было встречено одобрением, и я споро сварила душистый пирог из крупных коричневых яблок, собранных в саду вместе с тобой (хотелось внести свою лепту в уютную сервировку чайного стола). Для такого пирога лучше всего подходят антоновские яблоки, но их не было, и всё же пирог получился на редкость слобным и невероятно вкусным, и я была рада, что именно сегодня моё фирменное блюдо мне особенно удалось, и мне были приятны похвала твоей мамы и одобрительная улыбка бабушки.

За чаем разговаривали о музыке (один из гостей был виолончелистом и писал музыкальные композиции; к тому же среди присутствующих не нашлось никого, кто не любил бы этот вид искусства, тем паче если речь идёт о настоящей музыке, способной одухотворить и утешить, прорастая в душе и сердце живительными ростками прекрасного), о литературе (к слову: твоя мама работала литературным редактором в известном издательстве), об архитектуре (твой отец был архитектором и очень хотел, чтобы ты пошёл по его стопам, но ты выбрал собственный путь...). Позже была прогулка в компании Виньки по берёзовому лесу, подступавшему почти вплотную к дачному посёлку, по возвращении – игра в бадминтон и несколько партий в настольное лото, каждая из которых сопровождалась взрывами веселья, просто потому что всем было хорошо.

Этот день был преисполнен умиротворения, дорогой для нас безмятежности, и вместе с тем я ощущала идущие от тебя токи, наполнявшие меня тревожным ожиданием, вибрирующую вещественность происходящего. Мы были вне города, в компании близких тебе людей, но – словно одни, друг для друга. Природа вокруг была пронизана отголосками лета, почти ушедшего, перетёкшего в новые формы времени года под названием «Осень»: ранняя осень как фон для нашей яркой весны. Три времени года словно сплелись воедино: весна наших отношений, осень вокруг и – внутри, в мыслях – ещё не до конца ускользнувшее лето...

Как мало нужно человеку для счастья и душевного комфорта, как редки моменты гармонии! Ты оберегал меня особенной покровительственной чуткостью, которая так подкупала меня и привлекала к тебе ещё больше, вызывая во мне чувство благодарности, гордости и безмерную нежность. Я постоянно ловила на себе твой взгляд, словно вопрошающий, хорошо ли мне сейчас, и сейчас, и сейчас... Мы понимали друг друга с полувзгляда, будто внутри каждого из нас звучал один и тот же камертон, настраивая обоих на одинаковые флюидные биоритмы в одних и тех же мысленных волновых тактах. Удивительно, но это уникальное единение душ вполне облекалось в те незатейливые, обыденные слова, что мы произносили, и действия, которые мы совершали, ни в коей мере не нивелируясь ими!

Вечером ты проводил меня до электрички: мне нужно было вернуться домой. Мне было жаль расставаться с тобой, но я обещала домашним, что приеду в тот же день, и не могла не сдержать данного слова. Мы стояли на платформе в ожидании поезда, ты смотрел в мои глаза так пристально, словно видел впервые, и этот взгляд звал за собой и обещал так много, и я не могла оторвать глаз от твоего лица. Ты сказал, что через сутки тебе нужно уехать, что вер-

нёшься ты не раньше, чем через две недели. Я не знала, что сказать. Было грустно и больно от новой разлуки и сладко ныло сердце оттого, что мы вместе прожили этот чудесный день и стали ближе какой-то новой близостью, переступили неведомый доселе рубеж и очутились, как мне казалось, в иной форме реальности. Ведь это было первое сильное испытанное мной чувство, всё происходящее было внове для меня и казалось неизбывным. Я увозила с собой теплоту в сердце, лелея надежды на счастливые дни, что непременно случатся с нами, душа моя была наполнена ими до краёв. Я никогда не думала, что сердце могут обуять столько прекрасных эмоций одновременно. Я ехала и улыбалась своим мыслям, печалилась, и снова улыбалась. Всё в жизни взаимосвязано: и иллюзии, и мечты, и чувства человеческие. И – ничто не случайно!

Ничто не случайно.

* * *

Выхожу из дома.

Белёсое будничное небо. Сыро и ветрено, но ещё тепло: ранняя осень.

Я вплетаю погоду в своё настроение независимо от неё самой, мы всегда сосуществуем в тандеме – для меня это важно. Новая осень для меня – это смесь удовольствия и тревоги, светлая печаль, проникающая в душу из лёгкой дымки, пронизанной неярким солнцем, из запаха сухих листьев; каждое осеннее утро несёт в себе нечто новое, трепетное и умиротворяющее.

Каждый человек является частью этого мира, все мы неразрывно связаны с ним и со временем, которого не существует: его придумали люди для собственного удобства. И трудно себе представить, что происходящие в жизни изменения никак не связаны с ним, что оно стоит, застыв, и не движется ни вперёд, ни назад, попросту оттого что его нет! *Ничто* не может *быть* и *двигаться*, но ведь наша жизнь меняется, и мы меняемся вместе с ней! Трудно не связывать эти изменения со временем: для нас оно живое, как и наша жизнь, сполна насыщенная событиями и переживаниями. «Пространство – вещь, а время – мысль о вещи»².

Возле детской площадки, мимо которой я прохожу, растёт роскошное рябиновое дерево, облепленное дроздами-рябинниками, клюющими ягоды – маленький кусочек живой природы посреди мегаполиса. У каждого живого существа в этом мире своя жизнь и судьба. Самым удивительным является переплетение судеб, наверное, причина этого во взаимном притяжении людей на всех уровнях, мыслимых и немыслимых, о существовании которых мы подозреваем и о которых не имеем ни малейшего представления.

Каждый человек есть Космос. Вспоминаю Кирилловскую шестистолпную церковь, заложенную в XII веке на территории Древнерусского государства, позже расписанную Врубелем, где мне посчастливилось побывать. (Мы с мужем и сыновьями – младшему, Максиму, едва исполнилось четыре года – впервые отправились в путешествие вчетвером, выбрав для прогулок и изучения достопримечательностей древний красивейший город Киев.) Среди многофигурной композиции фресок этой церкви есть часть росписи под названием «Космос», совершенно удивительная (это слово несёт в себе тепло и свет, наверное, поэтому я вспоминаю его именно сейчас: оно созвучно моему настроению). Это некое олицетворение сочетания мира человека с окружающим миром и миром божественным, это словно здесь, внутри и рядом, и вместе с тем – так далеко... И понимаешь, что каждый человек без исключения – это малая Вселенная, которая несёт в себе огромный и неизбывный мир – именно так писалось это слово в прошлом, заключая в себе не только мир вне войны, понятие весьма условное (как чёрное и белое, вне оттенков и полутонов), но и всю совокупность сущего. Можно подарить друг другу самих себя, и это тоже будет целый мир, в том числе и космический. Разве это не удивительно?

² И.А. Бродский, «Колыбельная трескового мыса».

Прогуливаясь по Киеву, на одной из центральных улиц мы встретили колоритную пару, почему-то запомнившуюся мне: импозантный мужчина, как говорят в таких случаях, в полном расцвете лет и сил, и рядом с ним – красивая молодая беременная женщина. Срок у неё был немалым – наверное, месяцев восемь, не меньше. На ней было роскошное длинное тёмно-зелёное платье, которое ей несказанно шло, и она несла себя в нём как королева под руку со своим королём. Это зрелище настолько привлекло наше внимание, что мы с мужем несколько раз обернулись им вслед, и мне, честно сказать, тоже захотелось облачиться в такое платье... Думаю, они ждали первенца: женщина ещё не утратила некую вальяжность и негу в походке и движениях, им некуда было торопиться, они ещё не познали того беспокойства, той тянущей за душу тревоги, которая подстёгивает родителей (особенно мать) в течение всей жизни, не отпуская ни на миг. Впереди у них был целый мир: мир узнавания совершенно новой жизни, новых себя в качестве отца и матери своего долгожданного малыша. И мы мысленно пожелали им счастья.

Растить ребёнка значит обрести целый мир, каждый миг в котором неповторим и уникален (я это точно знаю!), уж тем паче если ребёнок не один, то есть некоторое повторение имеет место. Эти повторения не похожи одно на другое, хотя и несут в себе определённое целостное восприятие событий. Детки наши это счастье, и дело не только в первом шаге или первом зубике, появление которого ты видишь, хотя и это, несомненно, важно и чудесно. Дело в безграничном доверии к тебе твоего ребёнка, для которого ты являешься незыблемым, непоколебимым, бессменным авторитетом и оплотом стабильности жизненных устоев и уверенности. Прекрасно и то, что ты как родитель открываешь для него этот мир, который, конечно же, придуман не нами, а малыш впитывает, как губка, всё, чем ты делишься с ним, и это так искренне, так трогательно, это возвышает тебя в глазах самого себя. Памятуя о том, что всё проходяще – увы! – всё-таки жаль, что такое положение вещей не длится долго, видоизменяясь со временем. Если сохраняются тёплые и доверительные отношения (насколько это возможно в силу определённого возраста обоих поколений, постоянно и естественно меняющегося), можно считать себя удачливым и счастливым. Потому что ведь это удача, когда ты можешь порадовать себя общением с близким – по крови ли, нет ли – человеком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.